

Предисловие.

Лемех Великой Войны, вспоровший плоть нашего народа, оставил шрам, е заросший даже почти век спустя . Уже внуки воевавших состарились, а всё равно нет-нет, да и сверкнёт отголоском той огромной трагедии.

Этот рассказ о моём давно покойном деде, Сафонове Андрее Николаевиче. В основе реально произошедшая история из его жизни. Остальные персонажи, описанные события и диалоги, тоже имели место быть в тот страшный год в разных уголках Забайкалья.

Три кита.

На улице уже давно стемнело, но в окнах конторы ещё горел свет.

Старый колхозный дизелек должны были давно заглушить, но поопасывались оставлять председателя в темноте. Нрава он был незамысловатого, вполне мог и в репу зарядить.

Сам председатель, Сафонов Андрей Николаевич, 1905 года рождения, член ВКП(б), участник событий на КВЖД, спал, уронив голову на стол под портретом всеми любимого вождя. Ранняя весна 1942,года. Вся страна рвет жилы против самой мощной военной машины мира.

И, вроде, уже вмазали немцам по сусалам, пошли " забирать наши пяди и крохи ", а легче что то не становилось.

"Всё для фронта, всё для победы." Это уже не было просто лозунгом, это стало нормой жизни. Работа на износ, кусок напополам. А у председателя ещё и свои прелести бытия. Сверху начальства не счесть, все давят, и, ежели что не так, то " по законам военного времени ". Хотя когда и кем эти законы принимались, лично Андрей Николаевич понятия не имел. Снизу свои же односельчане, сам из которых, плоть от плоти, нет-нет, да и вычудят чего. И для всех надо хорошим быть. Ну, и утомился председатель к концу дня, уснул, можно сказать, прямо на боевом посту.

Вместе с ним в тесном кабинете колхозный счетовод. Но тот себе занятие нашёл, ведомости сверяет. Оно дело то такое, точность любит. За бардак в отчётности

легко можно и во вредители загреметь. А Семену Петровичу на шестом то десятке, вредителем становится для здоровья дюже вредно.

Правление колхоза имени Богомолова, что в селе Ульхун- Партия Кыринского района. Были ещё два бригадира, да председатель их домой отпустил. Время позднее, а им завтра затемно вставать, народ на работу поднимать, а они уж и сами не молоды, да и здоровьем не пышут. Других и не осталось. Воюют.

А председателю уходить нельзя. Из Кыры ждут парторга колхоза с новостями. Вчера ещё вызвали по телефону. А пламенное сердце коммуниста Сафонова, равно как и другие части тела, хорошего от такого вызова не ждало. Так как обстановка, и вообще, и в частности к оптимизму не располагала.

Время уже позднее, а парторга дожидаться надо. Завтра с утра доводить до сведения. Или, наоборот, не доводить, не распространять и пресекать.

С этой мыслью Андрей Николаевич проснулся. Глянул на ходики в углу , потянулся:

- Пошли, Петрович, каво сидеть, седни уж не приедет.

Семен Петрович снял очки, положил в потёртый футляр, закрыл свои талмуды, и в этот момент хлопнула входная дверь, по полу хлестнуло холодом.

- Ну, кабыть, никак прибыл. Гонец из Пизы.

- Ты бы, Петрович, в учреждении то не выражался. Не стайка, чай.- Укорил его председатель.

Счетовод, было, открыл для ответа рот, но тут на пороге кабинета возник парторг.

- Адали, не ты на мерине, а он на тебе скакал. - Хмыкнул Сафонов, разглядывая парторга. - Че взмыленный такой ?

- Сам раз в район съезди, посмотрю, как тебя там намылят.

- Ну, что не на пряники вызывали, и так понятно. Насколько плохо?

- Дай хоть рассупониться, да чаю стакан, согреться.

Семен Петрович засуетился, принял из рук парторга доху, повесил на гвоздь, загремел возле печки чайником.

Сафонов же терпеливо ждал, пока утихнет суета, а в душе медленно закипала волна беспокойства. Он знал характер парторга. В народе говорят: "тепленькая водичка во рту не держится. "А тут время тянет. Совсем уж, видно, новости - хреновости.

- Ну, давай, не тяни кота за все места. Докладай.

Парторг отставил стакан, вытер пот со лба, вздохнул глубоко. Но, дыши не дыши, а докладывать придётся.

С Читы циркуляр пришёл. Область план по поставкам зерна не выполняет. Если сорвём, головы на всех уровнях полетят. Приказано всё зерно, даже семенной фонд, готовить к сдаче.

Парторг снова вытер лоб, словно последние слова тяжело ему дались.

- Погоди, как семенной фонд? А посевная? - Опешил председатель.

Парторг вздохнул:

- Николаич, я, что ли, придумал? С области приказ.

- А у нас народ ещё по трудовням не всё получил. - Встрял Петрович.

У Сафопова подкосились ноги. Он присел на стул и обхватил голову руками.

- Ладно, нынче какнибудь не передохнем. Скоро уж мангыр по сопкам пойдёт. А, если не отсеемся на следующую весну, пропадём.

- Ты, Николаич, такие разговоры брось. - вскинулся вдруг парторг- Это уже паникёрством пахнет. За такое, знаешь, можно и куда Макар телят не гонял.

- Да он их и сюда то не догнал.- Невесело усмехнулся председатель.- Дальше уж и не угонят.

- Там найдут, куда угнать.- Вздохнул Петрович.

Счетовод знал, о чём говорил. Ещё несколько лет назад он был главбухом крупного завода в Уральской глуши, и считал, что большей дыры в мире нет, но грянуло дело Промпартии, и компетентные товарищи очень быстро показали ему всю глубину его заблуждений. За что он им был безмерно благодарен, ибо другим повезло куда меньше.

- На фронте люди тысячами жизни свои отдают, чтобы мы тут в тылу спокойно жили, а ты за своё брюхо трясешься.

- Утихни, сопля зелёная, не на митинге. - Осадил его Сафонов.- Если мы тут ,в тылу, передохнем с голоду, кого им там, на фронте, защищать то?

- Авось, не передохнем. Лесом жить будем.

- Ага, кору, как зайцы грызть будем. Чтоб лесом жить, его знать надо, а у нас тут народец сплошь бывшие да отбывшие.

- Вон, колхозники твои, давность, пропастиной не побрезговали. Ниче, никто не пропал.

Парторг намекал на случай, когда подох колхозный бык, а мясо скотники разделили по себе. Считалось, что они разделили уже мертвую тушу, но председатель знал, что быка доби́ли. Он, конечно, всё равно был не жилец, но самовольный забой мог потянуть на полноценное вредительство со всеми входящими и вытекающими.

Просто председатель увидел, как скотники отрезали лытки у ещё живого быка. Чуть не прибил обоих, да что с придурков взять. Да ещё кишка давит на и так не сильные мозги. Пришлось дать команду добить животное, чтоб не мучился. Хорошо, что в колхозе не было своего зоотехника. Только в районе. Он оформил падеж от старости задним числом. Тот случай удалось прикрыть, но второй раз такой трюк не пройдёт.

И это ещё настоящая голодовка не начиналась. А как , если... Подумать страшно. Друг друга жрать начнут.

Погрузившись в невесёлые размышления, председатель не заметил, как обстановка в кабинете накалилась. Парторг со счетоводом уже примеривались, как бы ловчей сцепиться.

- А ну!- Прикрикнул председатель.- Чё разорались, как гураны во время гона! Идите во двор, шалкните ишшо! Чтоб по падам слышно было. Нам вот только счас шума не хватало. Как бы народ за вилы не взялся от таких новостей. Давате, садитесь. Думать будем, как дальше жить.

- А каво тут думать то? Приказы партии надо исполнять. А про вилы ты, Николаич, зря. Народ у нас сознательный. В положение войдут.

- Войдут, войдут.- Успокаивающе замахал руками Сафонов.- Вынут и опять войдут. Когда своя шкура на кону, о сознательности только и думать.- Сядь, сказал!- Повысил голос.- Приказы партии попробуй не исполнить. Самого исполнят. Но, во первых, не партии, а обкома, во вторых, скорее всего, лично Кузнецова. Наверняка, в Москву рапортовал завышенные данные, теперь с него спрашивают. А там, поди, ещё с Мунгунова спрос не кончили. Кузнецов, конечно, старый большевик, из крестьян, да только крестьянской жизни, считай, и не видел. Если нынче весной не отсеемся, до осени, глядишь, и не помрём, да осенью то за урожай отчитываться придётся. А где его взять, коли не сеяли? Так что, как ни крои, а всё драным кверху.

Только сейчас Андрей Николаевич осознал, в какую пропасть они заглянули.

Выполнить распоряжение обкома, значит, обречь односельчан на голодную смерть, либо спровоцировать бунт, который будет залит кровью. Не подчиниться... Даже представить страшно. И Петрович не уберёжется. Уже попал краем в дело о вредительстве, теперь на заметке. Второй раз ссылкой не отделаётся. А уж про них то с парторгами говорить нечего.

Несколько минут прошло в тягостном, как на поминках, молчании.

Андрей Николаевич усилием воли собрал в кулак поплывшие было мысли. Все таки, не так прост был председатель. Из двадцатипяти тысячников все же. Специально для руководящей работы готовили. Да и своя голова на плечах не гречкой набита.

Он повернулся к парторгу:

- Тебя в деревне кто-нибудь видел ?

- Дак по темну уже заезжал. По домам все сидят.

- Сегодня-завтра из конторы ни ногой. Еды какой никакой завтра принесу. Нужду, вон, в ведро справишь. Придумай речь какую. Ну, там, все для фронта, в едином порыве. Не мне тебя учить. Вроде как только что приехал.

Петрович, говоришь, по трудовням ещё не рассчитали? Ведомости готовы?

- Так это, счас и добивал, пока ждали.
- Давай, добивай. Завтра будем выдавать.
- Николаич, ты каво творишь?- Вскинулся парторг.- Да нас же за такое...
- Цыц, сопля! Прибью! Нас что так, что эдак раскорячат. Не сейчас, так осенью. А не раскорячат, так весной сами сдохнем. А так, авось, и пронесёт.
- Ох- ох- ох! - Совсем уж по стариковски запричитал Петрович.- Три кита русской жизни: авось, небось, м оть...бись.
- Петрович, я тебе ещё раз говорю: в стайке у себя матерись. То бабью снасть поминаешь, то китов каких-то.
- Пиза, это город в Италии, а не то, о чём ты всё время думаешь. Башня там ещё наклоненная стоит.
- Италия, ё... Скоро у нас тут будет, как в Италии. И наклонят, как ту башню. Ещё и посередь согнут.- Председатель перевёл дух. Дальнейший план, как будто, созрел. И , хотя от такого плана в холодный пот кидало, но на душе полегче стало. - Слушай дальше.- По трудодням рассчитаем. Вроде как ещё распоряжение не получали.
- Думаешь, никто не вспомнит, какого числа расчет был?
- Вспомнят, не вспомнят, а то, что ты речугу уже после расчета двинул, все запомнят.
- Ой, Николаич, с огнём играешь.
- Слушай, придумай лучше, я тебя послушаю. У самого от страха чумуга станет и гачи к ляжкам липнут. Только выбора у нас нет. Ладно, хорэ сопли по рылу размазывать. Продолжаю. Как только по трудодням рассчитаем, сразу всех на ток. Семенной фонд делим пополам. Половину в мешки и на полевые станы. Отсеемся хоть в половину. Остальное на сдачу. И чтоб прям под метёлку, до зернышка. Если даже мышка зерно потырит, догнать и из пасти вынимить. И, как только земля отойдёт, сразу за пахоту и сразу сеять.- Председатель ажно весь взмок. Во как раскомандовался! Енерал! - Теперь к тебе. - Он повернулся к парторгу.- Хоть в колхозе ты мне и не указ, но по партийной линии начальник. Да и доложить о самоуправстве обязан. Надо сделать так, чтобы ты ничего не знал.

- Глаза выколоть, язык отрезать, в уши воск залить?

- Ну, можно и так, да больно хлопотно. Ты ж дёргаться будешь. Есть куда уехать на пару недель?

- Так я, как раз, и хотел отпроситься. Отец у меня в Дульдурге. Болеет шибко. До лета, поди, и не доживёт.

- Хорошего, конечно, мало, но да не было бы счастья... Ну вот, как речь скажешь, так сразу и дуй. Вернёшься по теплу. Конечно, если кому надо, тебя за нежные места возьмут, ты соловьём запоёшь, ну да авось... Точно, Петрович, говоришь. Три кита, мать!

На следующий день жизнь в Ульхун- Партии закипела. Колхозники, ободренные полученными трудоднями, с удвоенным энтузиазмом взялись за подготовку к посевной, и даже не очень озадачивались явными странностями. Начальству виднее. Да и время такое было. Особо к лишним вопросам не располагающее.

Весна в тот год случилась ранняя. Вспашку начали, как только земля чуть отошла. Роптали, конечно, не без этого. ещё бы, почти мерзляк долбить. А из всей механизации только судорожный "Владимирец", работающий исключительно на честном слове и такой-то матери, несколько быков, полумёртвых после голодной зимы, да собственный пердячий пар, но уж этого то без лимита. Но, с грехом пополам, отсеялись.

И лишь немногие замечали, что председатель, мужик, в общем то, довольно жизнерадостный, с каждым днём становится всё мрачнее.

И даже лицом потемнел, словно тяжелобольной.

Андрей Николаевич понимал, что такое самоуправство с рук ему не сойдёт. Как только в райкоме узнают, вся его жизнь просто накроется медным тазом. А узнают обязательно. Парторг доложить обязан, да и без него добрые люди найдутся. И с каждым днём в нём крепла решимость сделать шаг, мало чем отличающийся от самоубийства, но дававший какой-то шанс выйти из этой истории хотя бы не преступником.

Посевная, наконец, закончилась. В село вернулся парторг, похоронивший к тому моменту отца.

Опять они втроём собрались в колхозной конторе.

Парторг сидел за столом и не знал, куда девать глаза и руки. Как ни крути, а донос дело подлое, хотя и неизбежное.

Председатель долго молчал, собираясь с духом. Трудно далось ему решение, все время приходилось отгонять мысль, что всё обойдётся.

Три кита, будь они неладны!

Первым не выдержал парторг:

- Ну, чё, Николаич, завтра в район мне...

- Вали, раз надо.

- Чё делать то будем?

- Как договаривались. Ты ни сном, ни духом. Из села уехал. Сдача зерна и посевная без тебя прошли.

- А ты то как? Не простят же.

- А я, паря, от них спрячусь. Там не достанут.

- Партизанить пойдешь? Так семья...

- Пошто партизанить? Завтра в район вместе поедем. Ты в райком, я в военкомат. Сниму бронь и на фронт добровольцем. Мне армия не чужая. В своё время она мне путёвку в жизнь дала, ликбез там закончил, с армии в двадцатипяти тысячники выдвинули. И сейчас, авось,- председатель усмехнулся в сторону Петровича- не оставит сироту.

Петрович сокрушенно покачал головой:

- Не пацан ведь уже, Николаич. Староват ты для войны. Да и бойня там, думаю, не чета КВЖД.

Андрей Николаевич тяжело вздохнул. Подошёл к сидевшим лицом в стол товарищам, положил руки им на плечи. Открыл, было, рот, но спазм сдавил горло. Постоял чуток, задавил предательскую слабость, и пошёл к двери, бросив, не оборачиваясь:

- Манатки ещё собирать.

Заканчивалась весна 1942 года. Через месяц немцы начали масштабное наступление, едва не страшнее, чем год назад. Мясорубка войны вновь набирала обороты.

Сафонов Андрей Николаевич прошёл пекло Курской дуги, где был тяжело ранен осколками в голову, потерял глаз, получил тяжелую контузию, долго валялся по госпиталям, был комиссован в звании старшего лейтенанта и вернулся домой. Израненный, но живой. На фронте, судя по всему, теплых мест не искал, так как был награждён медалью " За отвагу ", что, как известно, ценилось бывалыми людьми выше иных орденов, орденом " Красной звезды ", ещё несколькими медалями, сведения о которых хранят теперь только архивы. После войны занимал руководящие должности районного масштаба. Значит, та история с самоуправством была благополучно забыта. Андрей Николаевич воспитал шестерых детей, четверо из которых родились после войны. Сейчас по России и за её пределами живут более более десяти его внуков и внучек, а правнуков считать надо отдельно.

Скончался Сафонов Андрей Николаевич в 1972 году.

Вот вам и три кита.

Вместо послесловия некоторые примечания.

Мугуров Иван Васильевич- До 1939 года первый секретарь Читинского обкома ВКП(б). Ко времени описываемых событий был уже расстрелян по " модной" тогда 58 статье.

Кузнецов Иван Алексеевич- Преемник Мугурова. Во время войны первый секретарь Читинского обкома ВКП(б).

Двадцатипятидесятники - Партийные выдвиженцы на руководящие должности в народном хозяйстве. По сути, кризисные менеджеры.

КВЖД - Китайско Восточная железная дорога. Совместное Советско - Китайское коммерческое предприятие. В двадцатых годах прошлого века китайцы, проще говоря, решили нас кинуть, за что получили хорошо по щам и затихли почти на сорок лет.

Дело Промпартии. - Полностью сфабрикованное уголовное дело о вредительстве в промышленности и на транспорте. Хороший повод списать всеобщую безграмотность советских руководителей и способ уборки неугодных. Хотя следствие по делу закончилось в 1930 году, органы, нет-нет, да и поднимали эту тему аж до конца тридцатых годов.